

О моей Тане.

27 мая в Москве уведена из своего дома и арестована моя жена Татьяна ОСИПОВА.

Утром, когда мы собирались идти на работу, в наш дом ворвались эдакие здоровые мужики, сунули нам под нос красные книжечки и бумагу, в которой говорилось, что некий подполковник из КГБ СССР рассмотрел материалы уголовного дела против моей жены и поручил им провести обыск в нашем доме. А потом они по-хозяйски осматриваются и берутся за "дело". Один садится за стол, понятой берется за газету, а остальные шарят везде - в нашем столе и в нашей кровати, в наших книгах и в наших письмах, перевертывают стулья, простукивают мебель. Ищут в кухне, канной, туалете. Всё должно быть осмотрено, прощупано, проверено. И тащат, тащат на стол, главному, - "добычу". Идет обыск.

Но нам уже ясно: третий обыск за последние восемь месяцев, уже столько друзей и близких арестовано за это время, теперь вот - "уголовное дело" на Таню. Значит - арест. Пришел и наш черед последний раз обняться и сказать друг другу "я безумно люблю тебя, нет никого роднее и ближе тебя". А эта нелюдь пусть себе копошится рядом, и нечего нам её стесняться. Но вмешивается один из "них", требует, чтобы мы отсели друг от друга, "не переговаривались". Смеемся, а он требует занести в протокол, что мы не подчинились.

Ну а потом, - потом Таню увозят, как крадут. Говорят - на допрос. Мы хотим ехать вместе, но её сажают в машину, а меня отталкивают. Ухмыляющиеся рожи сексотов недалеко - видно, дежурили в оцеплении вокруг дома, пока шел обыск. Кивок головы за стеклом машины. Уехали. Вот и простились. Лишь поздно вечером я узнаю, что Таня арестована, и только на следующий день - что статья 70 ("антисоветская агитация и пропаганда"). Значит, дальше будут долгие месяцы следствия, неправый суд и жестокий приговор - до семи лет лагеря строгого режима и до пяти лет ссылки после него.

*

*

*

Таня родилась 15 марта 1949 г. После школы работала на фабрике мягкой игрушки в Нахабино, затем электромонтажницей на заводе в Коломне. В 1972 г. поступила на факультет русского языка и литературы заочного Орехово-Зуевского пединститута (до этого было несколько неудачных попыток поступления на филфак МГУ). В 1978 г. ушла с последнего курса института. В те же годы переехала в Москву, работала сначала в ТАССе, потом оператором ЭВМ в Центральной Геофизической

потом оператором ЭВМ в Центральной Геофизической Экспедиции. В 1977 г. ступила в Московскую группу "Хельсинки". Постоянно подвергается преследованиям (обыски, допросы, задержания, административный арест). Теперь - обвинение по ст.70 УК РСФСР.

Вот, в общем, и вся короткая Танина биография, если останавливаться только на фактической стороне. Но эти скудные сведения не могут отразить становления Тани как личности, как одного из активнейших участников правозащитного движения в СССР. А это кажется мне очень важным, тем более, что речь идет о моей жене, самом близком и любимом человеке. Поэтому я хочу рассказать о ней подробнее.

Танино детство до пяти лет прошло в сибирской деревне, где основным воспитателем её был дед - сельский учитель. От него - любовь к русской классической литературе. Вероятно потому так стремилась потом она - коломенская заводская девчонка - поступить на филфак. В Орехово-Зуевском институте она успешно проучилась до последнего курса, оставался один семестр - несколько учебных долгов и защита диплома. А долги - зачеты и экзамены по так называемым общественным "наукам" (и основной - экзамен по научному коммунизму). Но просто стало уже невозможно их сдавать. Шел суд над Ю.ОРЛОВЫМ - основателем Хельсинкской группы, членом которой Таня к тому времени стала. И сейчас она уже не могла отвечать на вопросы "что положено", она просто перестала приезжать на экзамены.

Ну, хорошо, - говорила она в ответ на мои уговоры все-таки окончить институт, - я его окончу, а дальше что? Учитель в школе? - Те же самые общественные дисциплины заедят.

Горячий интерес к русской литературе остался, но уже было невозможно повторять заученную ложь, тем более - учить этому детей.

Тогда, в 78-ом, она была уже "законченной диссиденткой". О том, как и почему она ступила на этот нелегкий путь, Таня рассказывала так:

... Был 66-й год. Как раз процесс СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ тогда начался. Тогда во мне что-то сдвинулось. А до этого я была активной комсомолкой, и вообще, радовалась, что я в социалистической стране живу. Думала: ну как же! вот могла бы в т е м н о м XIX веке родиться, как же бы я тогда жила?

(Комсомолка Таня стремилась выполнить любое поручение наилучшим образом. Считая, что начисто лишена организаторских способностей, могла воздействовать на окружающих исключительно личным примером, - за что и была однажды "проработана" на комсомольском собрании.)

Ну, а потом... Дело в том, что я очень удивилась: как же? Вот в нашей социалистической стране судят всяких писателей? Понимаю: они могли там всякие "неправильности" написать... Но ведь ~~хули~~ с у д и т ь за это нельзя! ... Вот так я размышляла, размышляла... Я очень была замкнута я девочка... Все классику потихонечку читала, почти исключительно русскую...

А потом Чехословакия г р я н у л а... Я написала заявление, что уйду из комсомола (мне было 19). Я сначала ждала, что у нас будет легальная оппозиция и (смеется) я к ней присоединюсь. Ну, а потом съезд комсомола прошел, и все там это единогласно поддержали... И подумала: ну, я же не могу, если весь комсомол поддерживает?... И вот, написала заявление... На что мне сказал директор фабрики: очень хорошо! но вот только твоя мама работает в "ящике" и её с работы выгонят. Тогда я это заявление забрала, сказала ему, что мои убеждения остаются прежними, так что вот - пусть комсомол решает... (Я думала, что меня исключат из комсомола комсомольцы сами.) Потом это все "заглохло". Но дальше я была уже вполне т а к а я... После Чехословакии.

И замкнутая стеснительная девочка, более всего любившая в детстве сидеть на крылечке, уткнувшись в книжки, осознав несоответствие своего образа мыслей с предписанным, стала искать других инакомыслящих.

Мне ведь очень важно было н а й т и л ю д е й! ... - говорила она об этом позже.

Но оказалось, что ей недостаточно т о л ь к о обсуждения интересовавших её проблем с единомышленниками, т о л ь к о чтения неподцензурной литературы... Она хотела д е й с т в о в а т ь. Она не стремилась к политической деятельности, "организаторство" было чуждо ей. Как и прежде, она могла воздействовать на других только личным примером, помощью, активным сочувствием. Действовать - значит для Тани открыто говорить правду о нарушениях человеческих прав в её стране. Единственная "корысть"

в этой деятельности — желание жить в соответствии с собственными идеалами и убеждениями. Началось с "подписанства", потом была Пушкинская площадь, вступление в "Хельсинкскую" группу.

Таня вступает за арестованных и отстаивает права заключенных, она отстаивает право верующих на свою веру и право немцев, евреев, крымских татар на свою родину, она делает все, что в её силах, чтобы достоверная информация о борьбе за права человека в нашей стране и о нарушениях этих прав была доступна всем.

И на каждом обыске у нас забирают "Хроники", документы Группы, информационные записи и материалы. Нарушая закон, берут все, что содержит правду о борьбе за права человека и о преследованиях за эту борьбу. Правду, которую власти стремятся скрыть.

Почти не было таких дней, когда бы в нашу комнату не приходили гости. Приезжали десятки людей из многих городов. И для каждого у Тани находилось время, слово участия, поддержка. И беспрерывно звонил телефон: обыск, задержан, арестован...

В общем, на себя времени практически не оставалось. Но мы не могли жить иначе. Тем более, когда один за другим посыпались аресты наших друзей — ВЕЛИКАНОВОЙ, НЕКИПЕЛОВА, ЛАНДЫ, ТЕРНОВСКОГО, БАХМИНА и, наконец, самого близкого друга, Александра Павловича ЛАВУТА.

Вероятно, власти пытались "исправить" Таню, заставить её отказаться от общественной деятельности. За несколько месяцев КГБ и прокуратура допросили её четырежды: дважды — по делу ВЕЛИКАНОВОЙ, еще два допроса — по делам НЕКИПЕЛОВА и БАХМИНА. По ложному обвинению в "хулиганстве" Таню подвергли административному аресту, под которым она находилась 25 суток. 21 сутки она держала голодовку протеста, которую объявила на четвертые сутки ареста, когда его срок был продлен с 15 суток до 25. Допрос по делу НЕКИПЕЛОВА, — Таниного соавтора по циклу публицистических статей "Опричнина" и члена нашей Группы, — проходил именно во время этой голодовки. "Исправление" не получалось, Таня последовательно отказывалась от дачи показаний. И вот теперь — кара, арест.

- 5 -

Таня арестована не за преступление, а за то, что смела и могла говорить правду, помогать заключенным, их семьям, всем людям, приходящим к нам. За уважение, которым она заслуженно пользуется.

Это расценено как "особо опасное государственное преступление". Теперь следствие будет рыться в наших бумагах, собирать "показания" и искать "доказательства" того, что Таня лгала, клеветала, порочила, подрывала престиж. В результате реальные факты неприглядных дел властей станут "клеветническими измышлениями", а их огласка - "подрывом престижа государства".

Позорно арестовывать людей за доброту, отзывчивость, открытость.
ВДВОЙНЕ ПОЗОРНО - ЖЕНЩИНУ.

Я призываю всех, кому дороги свобода, гласность, милосердие и справедливость, в ком живо чувство уважения к женщине, выступить в защиту Тани.

30 мая 1980 г.

Иван Ковалев.

М
МЕМОРИАЛ